

Кандор Руслан Султанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, т.: 89064385989.

**ЗАЛАБИНСКИЕ КАБАРДИНЦЫ В УСЛОВИЯХ КОЛОНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
(конец 50-х гг. – середина 60-х гг. XIX в.)**

В настоящей статье проводится анализ реальной исторической практики функционирования органов управления залабинскими кабардинцами в ходе колонизации Северо-Западного Кавказа в конце 50-х гг. – середине 60-х гг. XIX в., сыгравшими важную роль в последующей интеграции новых территорий в государственную систему Российской империи.

Ключевые слова: черкесы, «беглые» кабардинцы, Северо-Западный Кавказ, система управления, расселение.

Candor Ruslan Sultanovich, Candidate of History, senior researcher of the Department of history of the T.M. Kerashev Adygh Republican Institute for Human Studies. Tel.: 89064385989.

**TRANS – LABINSK KABARDINS IN THE COLONIZATION OF THE
NORTHWEST CAUCASUS BY THE RUSSIAN EMPIRE
(Late 50-s. - mid 60-s. XIX century).**

This article analyzes the actual historical practice of functioning of government bodies ruling over trans- labinsk Kabardins during the colonization of the Northwest Caucasus in the late 50's. - mid 60's, XIX century, that played an important role in the subsequent integration of new territories into the state system of the Russian Empire.

Keywords: Circassians, "runaway" Kabardins, North-West Caucasus, the management system, resettlement.

В конце XVIII в. – первой четверти XIX в. кабардинцы не смирились с лишением их родины политической независимости и усиливающейся колониальной экспансией Российской империи, переселяются за р. Кубань к западным черкесам. Миграция в Закубанье являлась протестным переселением, охватившим многих кабардинцев привилегированного сословия [1]. В 20-х гг. XIX в. протестное переселение носит массовый характер, и мигрировавших кабардинцев стали называть «беглыми» кабардинцами. Российское правительство, обозначая ушедших за р. Кубань кабардинцев «беглыми», подразумевала под этим «преступников, избежавших возмездия имперских законов». Однако, с учетом того, что это

переселение носило в буквальном смысле характер «бегства», в условиях постоянной опасности нападения со стороны российских войск и сопровождалось характерными эмоционально-психологическими переживаниями, Т.Х. Алоев считает правомерным использование наименования «беглые» как синоним «беженцы» по отношению к мигрировавшим в Закубанье кабардинцам [2].

Однако ушедшие в Закубанье и продолжавшие воевать с Россией «беглые» кабардинцы называли себя «хаджиретами». Так, В.Х. Кажаров исследуя феномен синтеза традиционных и исламских ценностей черкесов, отмечает: «Во время Кавказской войны деяния пророка Мухаммада и его сподвижников воспевавшиеся в закирах, служили для адыгов нравственными примерами, которым они стремились подражать в своей повседневной жизни...Переселившись за Кубань, они как бы совершили «хиджру», временно оставив свой край во власти неверных... Тем самым «хажреты» подчеркивали религиозный аспект своего переселения и неизбежность возвращения в Кабарду, как и первых мусульман в Мекку» [3].

В начале 20-х гг. XIX в. главнейшим покровителем «беглых» кабардинцев в Западной Черкесии становится темиргоевский князь Джамбулат Болотоков. Увлекаемые идеей оказания помощи кабардинцам, летом 1823 г князь во главе с Джамбулатом Болотоковым призывают черкесов нападать на российскую кордонную линию для освобождения кабардинского народа [4].

Между тем из архивных материалов собранных А.К. Сиотоковым о численности черкесского населения находящегося на пространстве между реками Кубань и Ходзь, видно, что «беглые» кабардинцы в 1858 г. разбросаны почти по всем горным адыгским обществам, но около восьми аулов «беглых» кабардинцев были расположены отдельным сообществом в верховьях р. Фарс. Из них выше всех находился аул Давлет-Гирея Куденетова состоявший из 15 дворов, а самый большой аул, принадлежавший Герандуко Шовгенову, состоял из 500 дворов, причем ему «повиновались все беглые кабардинцы, жившие на Фарсе». В этих кабардинских аулах проживало небольшое количество абадзехов [5].

И в октябре 1858 г. кабардинцы, проживавшие в верховьях р. Фарс, обращаются к генерал-лейтенанту Филипсону с прошением в котором говорят о том, что «...не имея места где бы могли без нужды пасти свой скот и засеять хлеб, мы осмеливаемся повернуть просьбу нашу...об отдаче нам достаточного количества земли, где бы мы

...целым обществом могли без затруднения, распахивать и пасти свой скот, обещаясь не падать ни малейшего повода к беспокойной и враждебной жизни со стороны нашей в отношении русских» [6]. Это ходатайство подписали Давлет-Гирей Куденетов, А. Маргушев, Эль-Мурза Бабуков, Хаджи Мустафа Ергоков, Герандуко Шовгенов, Асламбек Анзоров, Исмаил Дерев, Мухамат Думенов и другие дворяне, пользующиеся заслуженным влиянием среди залабинских кабардинцев. При организации переселения кабардинцев с верховьев р. Фарс благодаря посредничеству полковника Фице Абдрахманова один из признанных авторитетов среди хаджеретов – Давлет-Гирей Куденетов встречался с командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенантом Козловским. В ходе встречи Д. Куденетов просил генерала о дозволении переселиться на свободные места по течению р. Ходзь, и В.М. Козловский «со всею готовностью изъявил полное свое согласие в этой просьбе» [7].

15 сентября 1859 г. в станице Лабинской принимают присягу от кабардинцев депутаты: князь Муса Атажукин, князь Асламбек Аджигиреев, эфенди С. Ханчуков; владельцы аулов: Давлет-Гирей Куденетов, Асланбек Докшоков, Мустафа Ергоков, Герандуко Шовгенов, Асланбек Чижоков, Исмаил Кандауров, Умар Багов, Исмаил Дерев, Магомет Кандауров, Келемет Унароков, Куденет Маргушев, Сальман Жаноков, Мисост Нартыжев, Эдик Вуков. Вместе с кабардинцами в этом собрании участвуют и абадзехи. От темиргоевцев и егерухаевцев дают присягу депутаты: князя Каирбек, Айтек, Индар, Росламбек и Пшемаф Болотоковы; дворяне (тлекотлеши) Хаджи Пшизов и Солохмат Ботуков; эфендии Ислам Тахумов и Магомет Майкопаров с одиннадцатью дворянами. В числе депутатов от егерухаевцев дают присягу кабардинские дворяне Асламбек Анзоров и Исмаил Анзоров. От махошевцев дают присягу: князь Анчок Богорсуков и с ним девять дворян; эфенди Ахмет Дугов и султан (хануко) Селим-Гирей Мухаматгиреев [8].

В январе 1860 г. на заведующего войсками в укрепление Майкопском полковника Горшкова возлагается управление абадзехами (как верхними, так и нижними), егерухаевцами, частью залабинских кабардинцев и темиргоевцев. Управление махошевцами поручается начальнику Лабинского округа генерал-майору Войницкому, а в тоже время управление баговцами, баракаевцами и бесленеевцами – начальнику Мало-Лабинской линии полковнику Лихутину [9].

С весны 1860 г. русские войска рубят просеки, строят дороги и заселяют освобождаемую от изгоняемых черкесов территорию казачьими станицами, а начальнику Кубанской области генерал-адъютанту Евдокимову предоставлялось исключительное право наделения землей и определения мест расселения адыгских аулов [10]. Он лично производил подробную рекогносцировку земель в Лабинском округе, по правому берегу р. Фарс, определяя места новых станиц и промежуточных постов [11].

Весной 1860 г. кабардинцы, как и обещали при принятии присяги, переселяются с верховьев р. Фарс к подножию горы Кунактау на участок земли по левому берегу р. Губс вдоль дороги проходящей из укр. Хамкеты в ст. Лабинскую. Однако проживая на р. Губс кабардинцы не ладят с абадзехами поселенными по соседству, и в первую очередь из-за недостаточного количества земли для их хозяйственной деятельности. Так, в июле 1860 г. начальник Кубанской области в своем отношении к начальнику Лабинского отряда выражая свое неудовлетворение такого рода явлением, говорит: «...кабардинский уздень Давлет-Гирей Куденетов принимает на себя роль какого-то старшины над всеми закубанскими кабардинцами,... он стесняет Абадзехских выходцев...и что наконец он позволяет себе даже воспрещать нашим командирам производить сношения на местах, которые он себе присваивает» [12].

По проекту о заселении предгорий Западного Кавказа новыми казачьими станицами, утвержденному российским командованием на Кавказе в ноябре 1861 г., участок земли в 14000 десятин лежащий выше станицы Лабинской, между течением рек Лаба и Псефир, был отведен для поселения «беглых» кабардинцев. Они должны были освободить занимаемые ими земли по течению р. Губс для новых казачьих станиц [13]. После утверждения «Положения об устройстве поземельного быта горских племен Кубанской области» от 10 мая 1862 г. решение земельного вопроса для черкесского населения ставилось в прямую зависимость от наделения областных казачьих войск и русских поселенцев землей [14].

Начальник Кубанской области генерал-адъютант Евдокимов назначает начальником над кабардинцами и «прочими черкесскими народами», проживавшими между реками Шхагуаще (Белая) и Лаба, полковника Ф. Абдрахманова, который должен был «устроить между ними внутреннее управление» и «ходатайствовать перед русским начальством» об их нуждах, защищать их интересы. Кроме того, начальник

Кубанской области объявляет права и обязанности новых подданных России. В октябре 1862 г. полковник Ф. Абдрахманов становится Верхне-Лабинским приставом и ему же временно подчиняется Нижне-Лабинское приставство.

В состав Верхне-Лабинского приставства вошли черкесские аулы поселенные по левом берегу Лабы выше поста Анзоровского, а в состав Нижне-Лабинского – находившиеся ниже Анзоровского поста. По управлению приставствами полковник Ф. Абдрахманов в административном отношении подчинялся генерал-адъютанту Евдокимову, а «в кордонном отношении» – начальнику Лабинского округа [15]. Примечательно, что старшинам аулов не предполагалась выплата фиксированного жалования, но для пробуждения в них рвения в пресечении разного рода преступлений, им выделялась часть денег из собираемых с населения штрафов.

К январю 1863 г. в соответствии с «Положением об устройстве поземельного быта горских племен Кубанской области» кабардинцы уже переселились с верховьев р. Губс на вновь указанные места жительства на р. Ходзь. В рапорте начальника управления Верхне-Лабинского приставства полковника Ф. Абдрахманова говорится о том, что «...кабардинцы поселившиеся на Ходзе хотя и не в порядке того правила которое указано им заблаговременно, т.е. не отдельным аулом, зато в населении своем, составляя сплошную полосу аулов тянувшихся непрерывно по Ходзу с большим успехом могут содействовать как спокойствию и общему благосостоянию казачим поселениям, так и в управлении собой, и в исполнении всех поручений начальства» [16].

Для управления черкесским населением Верхне-Лабинского и Нижне-Лабинского приставств предполагалось в виде временной меры, учредить структуру управления, состоявшую из валия (народный управитель) и кадия (духовный управитель), в помощь которым назначались наибы, аульные старшины и муртазаки (исполнявшие полицейские функции). Так, в январе 1863 г. с согласия пристава, полковника Ф. Абдрахманова, для кабардинцев была утверждена следующая структура управления: народный правитель (валий) – князь Асламбек Аджигиреев, народный эфендий – Хаджи Бекир, наибами из аульных старшин были назначены Умар Маргушев, Эльмурза Бабуков, Давлет-Гирей Куденетов, Исмаил Жаноков. Кроме того, были избраны «десять почетных лиц блюстителями порядка и как бы столпами на верность службы Государю Императору» – Фатгирей Анзоров, Али

Хагондуков, Герандуко Шовгенов, Умар Шипшев, Юсуф Шидов, Хаджи Адамиев, Исмаил Дерев, Мухамед Сидов, Асланбек Хатухов и Асламбек Анзоров. Для исполнения полицейских функций назначены были семь муртазаков [17].

В это же время от темиргоевцев и егерухаевцев были избраны: валием – Айтек Болотоков, кадием – эфендий Осман Хаджи Татаршау, четверо наибов – Хаджи Пшизов, Татаршау Докужиев, Шабзох Кесебиев и Шахан-гирей Аджигоев, а также восемь «блюстителей порядка и тишины в аулах» из аульных старшин. Хатукаевцы же избрали своим правителем (валием) – Индара Керкенокова, кадием – Хаджи Муссу, наибами – Шахоз Кунжарова и Аджигой Ханокова [18].

С перемещением военных действий за р. Шхагуаше (Белой), в течение зимы и весны 1863 г., число выходцев из Абадзехии в Нижне-Лабинском и Верхне-Лабинском приставствах постоянно увеличивается. Как следует из отчета штаба войск Кубанской области, в 38 аулах этих приставств было размещено «до 17 000 душ обоего пола одних свободных сословий, не считая крестьян численность которых, как можно полагать, простирается до половины этой цифры» [19].

К осени 1864 г. сложились общие правила, регламентирующие состав аульных обществ. Так, малолюдные поселки соединялись в особые укрепленные аульные общества или присоединялись к ближайшим самостоятельным обществам. Главным при этом была возможность наблюдения за поведением жителей черкесских аульных обществ. При соединении нескольких небольших вотчин-общин в одно аульное общество, для местопребывания общего управления избирается самая многочисленная из них или находящаяся в середине соединенных аулов [20]. Примеров такого администрирования было достаточно много, так несколько небольших вотчин-общин абазин, бесленеевцев и кабардинцев по левому берегу р. Ходзь от устья её до притоков Беноко и Федяко, в «административном отношении» было разделено на два аула: аул Ходзский – по реке Ходзь, и аул Бенокский – в устье рек Беноко и Федяко [21]. В состав аула Ходзского входили следующие поселки (хабли): Герандуко Шовгенова, Давлет-Гирея Куденетова, Хагондокова, Асламбека Анзорова, Абдрахмана Думенова, Умара Маргушева, Исмаила Деревы, Ямыза Докшокова, Еругова, Тугана Докшокова, Кандауровых. В состав Бенокского аульного общества входили следующие поселки (хабли): Шахимгирея Трамова, князя Асламбека Аджигиреева, Кубатова, Фатгирея

Изугова, Мухамеда Сидова, Османа Маршанова, Джамбота Нартыжева, Бек-Мурзы Конокова, Едика Вукова, Эльмурзы Бабукова, Махмуда Багова [22].

В декабре 1864 г. в ст.Лабинской на общем собрании представителей от аульных обществ избираются депутаты горского суда Абадзехского округа в составе: ефендия Магомета Майкопарова, прапорщика Давлет-Гирея Куденетова и Татаршау Догужиева [23]. Таким образом, по окончанию военных действий на Северо-Западном Кавказе, структура управления адыгским населением по р. Лабе включавшие элементы (валий – кадий – совет при валие) традиционной системы управления была ликвидирована.

Для российской администрации при организации управления коренным населением Северо-Западного Кавказа после окончания военных действий важной целью становится лишение реальной власти владельцев аулов (вотчин-общин), являвшихся последним оставшимся значимым элементом традиционной системы управления. Рассматривая вотчину, как основную социальную единицу адыгского общества, В.Х. Кажаров справедливо отмечает, что: «...вотчина-община обнаруживает высокий уровень адаптивности к внешним условиям своего существования по сравнению с другими традиционными общественными институтами кабардинцев. Этим во многом объясняется устойчивость их социально-экономической системы вплоть до реформ 60-х гг. XIX в.» [24].

Примечательно, что в декабре 1862 г., пристав Верхне-Кубанских аулов, майор Аглинцов предлагает запретить в аулах, подчиняющихся его управлению, производить «сборы неправильно установившихся налогов» на вольных людей в пользу владельческих туземных фамилий и принять должные меры, чтобы в будущем подобных произвольных действий со стороны князей и владельцев аулов не возобновлялось.

Командующий войсками Кубанской области в январе 1863 г. одобрил инициативу майора Аглинцова, замечая при этом, что «отныне лица свободного сословия освобождаются от всех повинностей, какие доселе были налагаемы на них произвольно владельцами и слово подвластный с настоящего времени теряет прежнее свое значение» [25]. С прекращением военных действий на Северо-Западном Кавказе российское военное командование не могло устроить положение, когда на должности старшин аулов назначались традиционные владельцы аулов, пусть и избранные на

аульных сходах, но без возможности влияния на этот процесс приставского начальства.

Литература

1. Думанов З.Б. Внутренние миграции на Северо-Западном и Центральном Кавказе в первой половине XIX века // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 3. С. 272.
2. Алоев Т.Х. Вопрос о закубанских территориях Кабарды в контексте миграции кабардинцев в первой четверти XIX века // Там же. С. 269.
3. Кажаров В.Х. Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 77.
4. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 261. Оп. 1. Д. 124. Л. 474.
5. ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 5. Л. 30-31.
6. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 14257. Оп. 3. Д. 422. Л. 27-29.
7. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 315. Л. 19.
8. РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 456. Л. 46-49об.
9. ГАКК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-1об.
10. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 260. Л. 304.
11. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 41. Л. 2.
12. РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 456. Л. 192-193.
13. Государственный исторический архив Грузии. Ф. 545. Оп. 1. Д. 27. Л. 54-59.
14. Кубанский календарь на 1900 г. Екатеринодар, 1899. Т. 4. С. 38.
15. РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 524. Л. 52-52об.
16. РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 530. Л. 89-89об.
17. РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 524. Л. 73об., 80.
18. РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 524. Л. 75об., 78об., 81.
19. РГВИА. Ф. 14219. Оп. 3. Д. 481. Л. 104.
20. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 649. Л. 2-3об.
21. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 171. Л. 10.
22. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 481. Л. 130об.-131.
23. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 1. Л. 128.
24. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994. С. 161.

25. РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 548. Л. 4-4об.